

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ, ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX стст.

Табунов Василий Васильевич

доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин, заведующий аспирантурой учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова»; кандидат исторических наук, доцент (г. Могилев, Беларусь)

Согласно данным переписи 1897 г., на белорусских землях проживало 148 408 старообрядцев, что составляло около 2% от общего количества населения [1, с. 252]. Закон строго регламентировал деятельность староверов. Так, старообрядческим духовным наставникам разрешалось исполнять духовные требы, но им было запрещено заниматься распространением своего вероучения. Староверы не могли совершать публичное свидетельство веры: крестные ходы, ношение икон (кроме случаев погребения); духовные лица не имели права появляться в церковном облачении вне молитвенных домов. Старообрядцам запрещалось «заводить скиты и обители». Для ремонта молитвенных зданий требовалось разрешение губернатора, а для распечатывания закрытых было необходимо позволение министра внутренних дел и обер-прокурора Синода. Староверы были лишены прав на законный церковный брак и на имение своих богослужителями. Приобретать духовную литературу они обязаны были в особой правительственной типографии. Старообрядцы не должны были иметь свои особые священные изображения и иконы. Вступление старовера в иконописный цех могло состояться только с разрешения министра внутренних дел. У старообрядцев отсутствовало право на приём лиц неправославных исповеданий, «изъявивших добровольное желание присоединиться к расколу». Ведение актов гражданского состояния староверов было возложено на полицию [2, с. 10–12].

Несмотря на столь многочисленные ограничения, пути достижения главной цели – религиозной свободы – рассматривались старообрядцами-предпринимателями, игравшими ведущую роль в религиозной жизни общин, исключительно в рамках легальной деятельности. Оппозиционные настроения по отношению к властям проявляли начётчики-миряне, которые вели диспуты с миссионерами господствующей церкви.

Отношения между старообрядцами и местным населением складывались по-разному. Так, если из Виленского уезда и самого губернского центра, а также из Витебского и Динабургского уездов Витебской губернии сообщалось о достаточно доброжелательных отношениях, то из Бобруйского уезда Минской

губернии, а также уездов Режицкого, Люцинского, Себежского и Невельского Витебской губернии приходила информация о нежелании староверов общаться с православными. Наибольшую терпимость проявляли к православным поповцы. Особенно характерно было это для «древлеправославных», проживающих в Гомельском уезде Могилёвской губернии. В силу отличных религиозных установок, наибольшую оппозиционность в отношении православия проявляли беспоповцы. Миссионер Литовской епархии Д. Губин в 1895 г. информировал начальство о том, что «раскольники Дисненского уезда отличаются особенной враждебностью к православной церкви» [3, с. 98].

Политика в отношении старообрядцев на официальном уровне начинает меняться ещё со второй половины XIX столетия. Дело заключалось в том, что они представляли собой тот консервативный элемент, на который почти во всех своих начинаниях в Северо-Западном крае мог опереться Петербург

По мнению властей, старообрядцы в экономическом плане служили противовесом еврейскому населению. Поэтому признавалось особенно важным распространить старообрядческие поселения на территории края. Работа в данном направлении была проведена в 70–80-х гг. XIX ст. Так, законом от 19 апреля 1874 г. были легитимированы браки старообрядцев с «установленным записи в полицейских книгах». Но этот закон имел существенный недостаток – одно только слово «полиция» производило отталкивающее впечатление на каждого старообрядца [4, л. 38].

Указами Александра II от 22 мая и 3 июня 1876 г. были узаконены правила о размещении единоверцев и старообрядцев на частных землях в Северо-Западном крае. Закон от 3 мая 1883 г. предоставил старообрядцам некоторые религиозные и гражданские права. Им разрешалось проводить богослужения как в молитвенных домах, так и на частных квартирах при условии ненарушения «общих правил благочиния» и общественного порядка. Постройки, пригодные для превращения в молитвенные дома, разрешалось превращать в таковые «в случае возобновления и исправления зданий» с разрешения местного губернатора, в остальных случаях – Министерства внутренних дел с учётом соответствия «местным условиям» и «нравственного характера» учения каждого толка [5, л. 1–1об.].

Прекращались преследования тех наставников, которые исполняли духовные требы, не имея подтверждения своего духовного сана. Для внутреннего перемещения старообрядцам выдавались паспорта общего образца. Но часть религиозных действий старообрядцев по-прежнему находилась под запретом: им не разрешалось открывать монастыри и скиты, организовывать крестные ходы, пользоваться колоколами, совершать публичное ношение икон. Монахам и наставникам нельзя было появляться в церковной одежде в общественных местах. Старообрядческие священники не признавались принадлежащими к духовному сословию [6, с. 121–122].

В 1897 г. по белорусским губерниям были подготовлены, но не проверены списки старообрядцев, на которых распространялось действие указов от 22 мая и 3 июня 1876 г. В результате многие староверы не попали под их положения. 19 ноября 1903 г. был издан указ о необязательности для староверов

общественных приговоров об установлении сборов в пользу православных храмов. Но данное постановление не всегда выполнялось на деле [7, с. 1]. Ситуацию усугубляло то, что на староверов не был распространён манифест от 3 ноября 1905 г., отменявший выплату выкупных платежей. Это привело к осложнению экономических условий жизни старообрядцев на белорусских землях. В поисках выхода из создавшихся условий они переселялись в Сибирь и на Дальний Восток [8, с. 124–125].

Таким образом, положение проживавших в конце XIX – начале XX ст. на белорусских землях старообрядцев было сложным. Учитывая их лояльное отношение к властям, им были предоставлены некоторые религиозные и гражданские права. Тем не менее, деятельность староверов находилась под пристальным контролем администрации, поддерживавшей, как правило, православную церковь.

Литература

1. Общий свод по империи результатов данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Паровая Тип.-Лит. Н.Л. Ныркина, 1905. – Т. 1. – 268 с.
2. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. – СПб. : Издание кодификационного отдела при Гос. Совете, 1890. – Т. XIV. – 96 с.
3. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.
4. ГАРФ. – Фонд 1729. Оп. 1. Д. 139. Указы Николая II о принятии мер к возрождению церковно-приходских общин, пересмотре законов о печати, усилении полицейского режима 1903 г.
5. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 43901. Указ Сената губернатору о представлении сведений о раскольнических молельнях и их наставниках 1898 г.
6. Гарбацкі, А.А. Гісторыя стараабрадніцтва на беларускіх землях ў канцы XVII–XX ст. / А.А. Гарбацкі. – Брэст : Выд-ва Брэсцкага дзярж. ун-та, 1999. – 202 с.
7. Несправедливые налоги // Голос старообрядца. – 1906. – 23 марта. – С. 1.
8. Гарбацкі, А.А. Гісторыя стараабрадніцтва на беларускіх землях ў канцы XVII–XX ст. / А.А. Гарбацкі. – Брэст : Выд-ва Брэсцкага дзярж. ун-та, 1999. – 202 с.